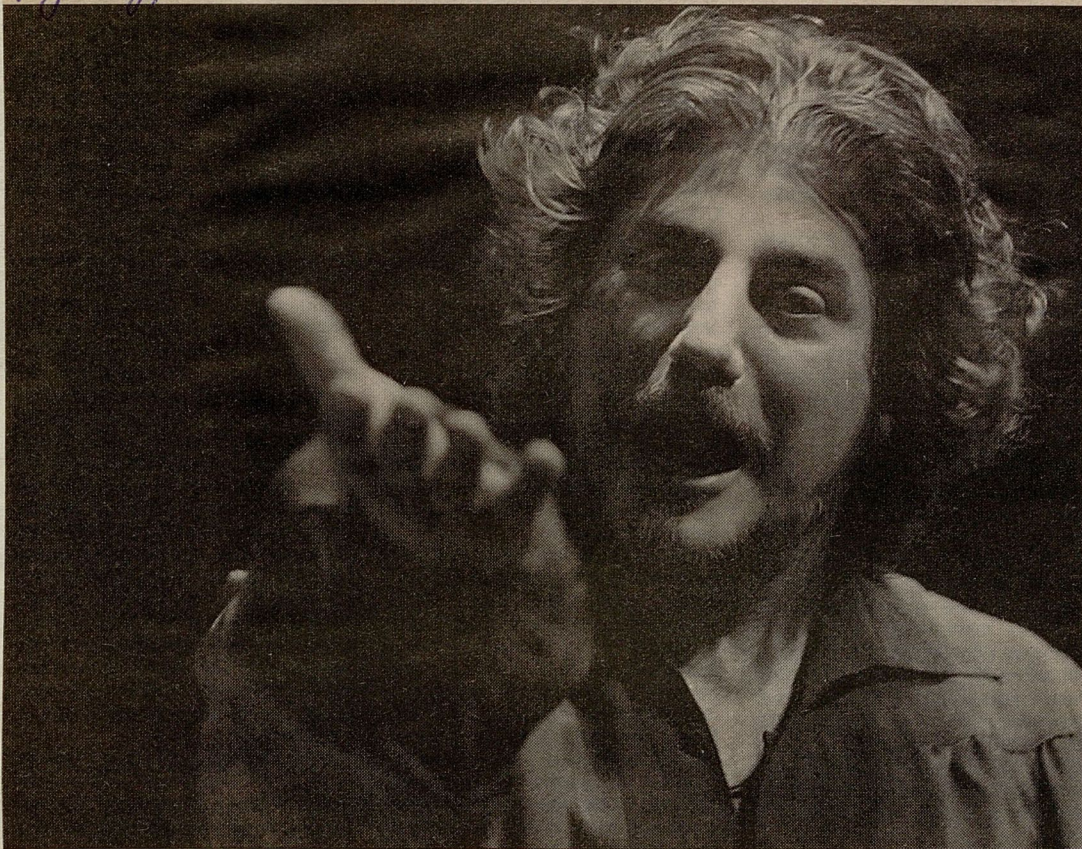

Страсть и отчаяние

Культура. — 2004. — 15-21 июля. — с. 10

Хосе Кура в Новой Опере

Х. Кура

Организаторы концерта Хосе Куры в Новой Опере были трижды правы. Во-первых, нейтрализовали неприятный осадок, оставшийся у аргентинца с первого посещения российской столицы осенью 2002 года: его вокальный вечер в Кремле с Любовью Казарновской и «теликовцами», срежиссированный Дмитрием Бертманом, потрещал полупустой зал, а ди-

рижерский дебют в консерватории и вовсе не состоялся: помешал теракт в «Норд-Осте». Во-вторых, расставили точки над i, удовлетворив любопытство тех, кто желал услышать тенор Куры в естественной акустике. В-третьих, изрядно развлекли публику. А помогали гостю по мере сил оркестр и хор Новой Оперы, венгерский дирижер Тамаш Пал (в первом отделении)

и наш Феликс Коробов (во втором).

Хосе Кура — певец, дирижер, композитор и аранжировщик, фотохудожник, управляющий продюсерской и звукозаписывающей фирмами, а еще красавец, кунгфиист и бодибилдер: все это сделало его заметной фигурой в современном музыкальном мире. И ныне этот «секс-символ современной оперы» (Хосе сетует на

журналиста, который 15 лет назад навесил этот ярлык и отвлек людей от его творчества), «голос столетия» (от этого титула он скромно отрешивается), «четвертый тенор» (нахмурив мохнатые брови, требует имена первых трех) играет по нынешним правилам выживания. А коллег из поколения Доминго (на их примерах и ошибках Кура, мол, учился) называет не выдающимися артистами, не мастерами оперной сцены и даже не звездами мирового музыкального искусства, а «легендами шоу-бизнеса». В ряд последних-то и метит.

Шоумен Кура обещал нам не просто концерт, а праздник, посему поводов для веселья было немало. И это притом что почти все его арии (исключительно итальянские) оказывались тревожными монологами романтических страдальцев, олицетворяющими, как говорил Пуччини, страсть и отчаяние. Нестерпимо маялись у Хосе все: благородный разбойник Дик Джонсон, художник Кавардосси, кавалер Де Грие, граф Саксонский Морис etc, не говоря уже о шуто-рогоносце Канио и всемирно известной жертве интриг — Отелло. Так что переворота из одной роли в другую не требовали от Хосе большой внутренней работы. Да, собственно, не было и вообще никакой работы — один лишь флер. Выступление «идальго мировой оперы» в Москве казалось экзотическим эпизодом его бурливой творческой жизни, отдыхом между спектаклями в Цюрихе и Вене, мимоходным броским жестом и величавой позой, подобными тем, какие изображает видный государственный деятель перед телекамерами.

Понятно, что к уловкам, уводящим от собственно пения, нередко прибегают владельцы несовершенного голосового аппарата. Но когда трюками внимание потенциального покупателя (коль речь о бизнесе) отвлекается

от главного лота — редкого по красоте и силе голоса, — это сложно понять. И все же лишенный сценографии, парнеров и костюмов, 41-летний артист маялся не меньше Канио, не зная, куда себя деть. И взялся за «entertainment»: кокетничал и беседовал с публикой, брался с оркестрантами, назойливо смущал первую виолончелистку, гулял по сцене к месту и не к месту, изобретательно позировал. Но направить недюжинную физическую и моральную мощь на пение не захотел. О том, что основой бельканто является кантилена, можно было забыть. О тембре, задавленном эффектами, — сожалеть. Веристский мелодраматизм порой едва не достигал истерии. Но имела место и другая крайность: добрая половина нот небрежно напевалась, а то и выдавливалась, словно сквозь зубы. Когда дело доходило до взятия теноровых бастонов, расположившихся в самом верху первой октавы, Кура становился похожим на крепкого вокалиста — техничного, мощного, роскошно тембростого, однообразно стабильного. Но невозможно любить певца лишь за латинский профиль и крепкое верхнее си, особенно если кроме него от вождя «Nessun Dorma» (на бис) не остается ни рожек, ни ножек. Зато Кура по душе то выскакивать из-за кулис с последними звуками оркестрового вступления, то устало выбредать, взвалив на плечи стул, а, усевшись, картинно страдать, закрывая лицо руками и скрепя пальцы; завершать арию Канио смехотворными рыданиями, а в образе ревнивого мавра так поглядывать на близстоящих, чтобы никто не усомнился в необходимости оным помолиться на ночь.

Хосе гордо акцентирует, что дирижирует уже 26 лет (без уточнений, чем, хотя изначально — хором), а поет лишь 12. Ангажементы у него преобладают все же вокальные, а за пулы-

том он преуспел, став преемником Менухина в качестве приглашенного маэстро польского оркестра «Sinfonia Varsovia». Несколько европейских театров доверили дирижеру Кура оперные спектакли. Русской публике он решил для внятного эффекта преподнести «Половецкие пляски». И поверг очевидцев в творческий шок размашистыми пассажами из азбуки корабельного сигнальщика, присядкой ухря-возницы, фехтовальными выпадами, кукольными покачиваниями корпуса при опущенных руках и прочими чудесами дирижерской пластики, к музыке, однако, никак не относящимися и на ее течение, в общем-то, не влиявшими. Часть аудитории, охваченная страстью к знойному маю, и эту демонстрацию приняла с восторгом. Вкусившие отчаяния оперофилы продолжили делать на счет героя дня предположения весьма нелестные.

Хотя Хосе и неудобно называться «секс-символом», он старательно поддерживает этот имидж. Хотя он недоволен и известным стереотипным мнением о тенорах, его поведение на сцене не выдает в нем интеллектуала, а поведение вне сцены — такого уж интеллигента. И понятно — тот, кто заканчивает концерт милитаристским воплем «vincerò!» (последнее слово арии добросердечного Калафа, готового одержать победу всего лишь в конкурсе загадок), не согласится называться «четвертым» тенором. И вряд ли он изменит свое мнение, что даже у Доминго — мастера, редким образом сочетающего те же пение и дирижирование, и не только в шоу-бизнесе, но и в искусстве, — ему учиться уже нечему.

Татьяна ДАВЫДОВА
Фото ИТАР-ТАСС